по своему богатству она не имеет себе равных в России, стране, бедной книгами».[2]

Имеет ли вообще Феофан религиозные убеждения — это сомнение, высказанное католиком Риберой, носило, разумеется, полемический характер. Однако и объективные основания для сомнений подобного рода были: достаточно вспомнить о поступлении православного монаха в римскую иезуитскую коллегию, а затем о его возвращении в Россию и разрыве с католичеством и, наконец, его связях с лютеранами.

Пребывание в Риме, как обнаруживает Э. Винтер,[3] оказало решающее влияние на формирование взглядов и интересов Феофана. Фанатизм иезуитов, с которым пришлось ему столкнуться, сыграл роль своеобразного противоядия против религиозного фанатизма вообще, в какой бы форме он ни проявлялся.

Другой крупнейший проповедник того времени, Стефан Яворский, в Польше тоже обучался в иезуитских коллегиях, но результат, как известно, был противоположный. Стефан под влиянием католицизма проникся предубеждением к протестантской религии и стал одним из ревностнейших защитников православной церкви со всеми ее учреждениями.[4] Местоблюститель патриаршего престола, автор «Камня веры», Стефан не мог сочувствовать мероприятиям Петра, направленным на ограничение церковной власти.

Скептическое отношение к официальной церкви развивалось и укреплялось у Феофана благодаря его научным занятиям (математика, философия, история) и приобщению к передовой европейской мысли того времени (знакомство с трудами Р. Декарта, Ф. Бэкона и др.).[5] Страх перед наукой и боязнь «лукавого мудрствования», характерные для многих представителей русского духовенства, неизменно вызывали у Прокоповича решительное осуждение и протест. Характерен в этом отношении «Разговор гражданина з селянином да певцем или дячком церковным», написанный Прокоповичем еще в Киеве, как предполагает П. Морозов. Гражданин, высказывающий идеи самого автора, замечает, что есть два вида невежества: «Едно простое и незлоб-

---

[2] См.: П. Морозов. Феофан Прокопович как писатель. Очерк из истории русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880, стр. 393.

[3] См.: Э. Винтер. Феофан Прокопович и начало русского Просвещения. — В кн.: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М.—Л., 1966, стр. 43—46; E. Winter. Zum geistigen Profil Feofan Prokopovičs. — In: Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts, Bd. II. Berlin, 1968, S. 24—28.

[4] См.: Ю. Ф. Самарин. Стефан Яворский и Феофан Прокопович. — В кн.: Ю. Ф. Самарин. Сочинения, т. V. М., 1880.

[5] Л. А. Петров. Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. — Труды Иркутского гос. унив., Серия философская, 1957, т. XX, вып. 1; J. Tetzner. Theophan Procopovič und die russische Frühaufklärung. — Zeitschrift für Slawistik, 1958, Bd. III, H. 2—4, S. 351—368.